

Министерство образования и науки Российской Федерации
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Россия и Китай
на дальневосточных рубежах

Народы и культуры Северо-Восточного Китая

Вып. 13

Благовещенск
2020

ББК 63.3
Р 76

*Печатается по решению
Ученого совета
Амурского государственного
университета*

Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на англ.: О.Е. Цмыкал, на кит.: Ван Цзюньчжэн, Чжан Жуян, Чжоу Синьюй и др. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – 524 с.

В 13-м выпуске сборника научных статей публикуются работы известных российских и китайских ученых, исследующих этнокультурные и этнорелигиозные контакты русских и китайцев, этносоциальные миграционные процессы на Дальнем Востоке, проблемы литературы русского дальневосточного зарубежья и художественной этнографии Дальнего Востока. Основу публикаций представляют доклады двух международных научно-практических конференций «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»: «Исторический опыт взаимодействия двух культур» (12–13 мая 2018 г.) и «Народы и культуры Северо-Восточного Китая» (17–18 сентября 2020 г.).

Сборник адресован широкой аудитории читателей: научным сотрудникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами русской эмиграции, взаимодействия русских и китайцев в широком историческом, политическом и культурном контексте.

ISBN 978-5-93493-353-2

©Амурский государственный университет, 2020
©Авторский коллектив, 2020

<i>Ци Янь.</i> Дополнительное исследование чжурчжэньской надписи на стеле Храма Юннин; отношение чжурчжэньского языка и маньчжурского языка в династии Мин	189
<i>Ван Цзюньчжэн.</i> Возникновение и начальное развитие буддизма в Северо-Восточном Китае (по материалам Сянбэй и Когурё)	197
<i>У Ган.</i> К вопросу образования легенды «Нишан-шаман» в контексте мотива «погони за душой и оставления души»	212

***Дальний Восток России и Северо-Восток Китая:
актуальные проблемы фронтирных исследований***

<i>Лю Цюаньшунь.</i> Новые методы и подходы в исследовании эмигрантской истории Северо-Восточного Китая	218
<i>Ду Ин.</i> Русские и русская культура за рубежом с точки зрения академических кругов Китая и Японии	224
<i>Лю Ши.</i> Понятие «эмигрант» в китайском этническом сознании: этимология, история, политика	230
<i>Фэн Шиань.</i> Формирование понятия «родина» в этническом сознании китайцев (на материалах словарей и текстов классической литературы)	237
<i>Линь Линь.</i> Русский след в харбинской культуре	247
<i>Ян Синьмо.</i> Распространение фашистского течения среди русских эмигрантов в Харбине в 1920-е гг.	250
<i>Бай Сяогуан.</i> Исследование социального образа Китая в России за последние 30 лет	260
<i>Цао Чжисун.</i> В развитие идей и мер глубокой интеграции провинции Хэйлуцзян в строительство «Одного пояса, одного пути»	266

***Народы Северо-востока Китая и Дальнего Востока России:
образы восприятия в фольклоре, культуре, литературе***

<i>Забияко А.А., Чжан Жуян.</i> Неубиваемая память. Образ восприятия японцев в семейных мемуарах русских Трехречья о событиях японской оккупации	271
<i>Ван Юйци.</i> Образ восприятия японцев в китайской литературе антияпонского сопротивления (на материале повести Сяо Цзюня «Деревня в августе»)	280
<i>Чжоу Синьюй.</i> Образы хунхузов в творчестве северо-восточных писателей Китая в первой половине XX века	284
<i>Сенина Е.В.</i> Образ восприятия России и русских в творчестве Бай Лан	291
<i>Дэн Голун.</i> Образ восприятия эвенков в романе Чи Цзыцянь «Правый берег реки Эргуна»	299
<i>Землянская К.А.</i> Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэре – водяная свадьба»)	304

ПОНЯТИЕ «ЭМИГРАНТ» В КИТАЙСКОМ ЭТНИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ: ЭТИМОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА

Лю Ши

Условия, когда воспринимающий этнос сталкивается с проблемой рецепции эмигрантской культуры, обнажают и усиливают скрытые механизмы работы этнического сознания. С одной стороны, непосредственные межэтнические контакты, бытовой и даже возможный брачный опыт с эмигрантами помогают разрушить или скорректировать книжные этнокультурные стереотипы, существующие в сознании культуры-реципиента. С другой стороны, статус «культуры-благодетельницы» в отношении эмигрантов-изгоев ставит последних в униженное положение, искажает фреймы восприятия. Важно также учитывать возможный эффект «разочарования» от впечатления, когда-то создаваемого бывшей «высшей» культурой, превратившейся в эмигрантскую – «низшую» [Pageaux, 1981, 171]. Данные процессы работы этнического сознания мы наблюдаем в 20–40-е гг. XX в. в китайской культуре по отношению к культуре русских эмигрантов.

Понятие «эмигрант» появилось в Древнем Китае в период династии Восточная Цзинь (326 г.) вместе с социокультурным явлением миграции [Ли Бочжун, 2005, 93]. На севере в тот период шли нескончаемые войны, а юг был относительно стабильным. Чтобы убежать от войны, люди мигрировали на юг. Беженцев, мигрировавших с севера на юг, стали называть «侨民, qiáomín» эмигрантами (живущие не дома, но не за морем) [Ли Чуань, 2018, 80].

С развитием экономических и культурных связей внутри страны, а также за её пределами, расширением внешней торговли и развитием транспорта, во времена династий Тан и Сун резко увеличилось количество людей, которые стали переезжать из одного места на другое, оставляя родину. Родина в традиционном китайском понимании – это, в первую очередь, то место, где человек родился [Хоу Цзяньхуй, 1998, 37]. Потому, очевидно, все те китайцы, кто покидал свои родные места, становились эмигрантами, где бы они не находились – в чужих городах или чужих государствах [Хуан Ни, 2002, 75]. Прагматичные китайцы спокойно относились и относятся к проблеме эмиграции – они знают, когда придет срок умирать, каждый истинный сын Поднебесной должен будет вернуться на родину предков.

В современном китайском литературном языке понятие «эмигрант» («侨民, qiáomín») имеет абсолютно нейтральное значение и определяется как 住在外国而保留本国国籍的居民 (живущий за границей, но сохраняющий гражданство своей родины). Эмиграция («侨民(们)») – это собирательное именование для обозначения множества эмигрантов. Таким образом, современные толковые словари китайского языка учитывают только географическую и юридическую семантику понятий «эмигрант» и «эмиграция», практически так же, как это было и при возникновении понятия. Но нейтральное значение понятия «эмигрант» не всегда было присуще китайскому этническому сознанию.

В разные эпохи у одних и тех же понятий возникают новые общественно-политические, религиозные, этносоциальные и этнокультурные коннотации [Телия, Опарина, 2001, 147]. В 1920-е гг. семантика слова *эмигрант* приобрела острые политические оттенки.

С начала 1920-х гг. начинается новый этап восприятия китайцами тех, кого они привыкли называть «заморскими дьяволами» («洋鬼子, yangguizi»). Этот опыт не только открыл китайцам иное знание о «всемогущих» «белых варварах», но эксплицировал неизвестные аспекты собственной этничности. После революции и Гражданской войны сотни тысяч беженцев из российского Дальнего Востока пытаются спастись на территории Северной Маньчжурии – в Харбине, сохраняющем ещё положение города, не тронутого революционными потрясениями и заселенного ещё с начала века бывшими строителями КВЖД и обслуживающим дорогу и её жизнеобеспечение людом, а затем в Шанхае. Несмотря на этнические различия, всех беженцев (русских, украинцев, белорусов, евреев, поляков, литовцев, латышей, грузин, армян и др. – около 35 национальностей [Мелихов, 2003, 219]) объединяло представление о бывшей родине – России, владение русским языком, общие беды изгнанничества.

В восприятии китайцев они также предстали в едином образе – русских изгоев, которые потрясли весь Китай. Само явление эмиграции, образы восприятия эмигрантов обрели для китайцев иной смысл. В условиях острой политической борьбы, протекающей в Китае между сторонниками Коммунистической партии и Гоминьдана, восприятие эмиграции и эмигрантов стало призмой, сквозь которую политические противники рассматривали своё историческое прошлое, оценивали перспективы будущего и поверяли свою этничность.

В «Современном китайском словаре», опубликованном в 1933 г., понятие «эмигрант» («侨民, qiáomín») было расположено в синонимическом ряду со словом «белоэмигрант» («白俄侨民, bái'éqíáomín») и имело следующее толкование: «Русские, которые выступают против русской революции и Советов, живут в разных странах и помогают империалистам подавить революционное движение 反对俄国革命及苏维埃的俄罗斯人, 他们流落各国, 帮助帝国主义镇压革命运动».

Спустя долгие годы, вплоть до середины 80-х гг., в китайском этническом сознании понятие «эмигрант» («белоэмигрант») (с проекцией на политический, литературно-публицистический, научный дискурс) будет определять всех тех, кто волей или неволей оказался в Китае после Октябрьской революции: русских аристократов, буржуазию, трудовой народ, невзирая на их социокультурный уровень и этнические корни. При этом идейно-политическая коннотация практически вытеснит этимологию. Дополнительный иероглиф «белый» («白色的») превратит нейтральное до этого времени значение слова «эмигрант» в понятие с резко-оценочными коннотативными значениями:

1. Национальный: русские (выходцы из бывшей Российской империи) («俄国人, éguórén»).

2. Политический: *оппозиционер* (по отношению к Октябрьской революции, так как представляет собой имперское прошлое) 是 «反对» («fǎnduì»).

3. Социальный: *изгнанник*, 是 «流落 ("liúlù")»; *бесправный*.

4. Юридический: *лицо без гражданства, апатрид* 无国籍的人 («wúguójíderén»).

5. Эмоционально-оценочный: *агрессивный* (по отношению к новорожденной Советской России, а затем и Советскому Союзу) 是 «镇压 ("zhènyā")» [Ян Хуй, 2010, 25].

Метаморфозе семантического значения социальной категории «эмигрант» в национально-политическую номинацию сопутствовали объективные общественно-политические обстоятельства. В 20–40-е гг. прошлого века Китай переживает острые социальные потрясения: позади эпохальная Синьхайская революция, приведшая к свержению многовекового маньчжурского владычества; идёт напряжённая война между Гоминьданом и КПК; перед Китаем – нависшая угроза японской агрессии. В этом контексте послереволюционная Россия, а затем и СССР, вызывают восторг, служат образцом – вспомним восторженные публикации Цюй Цюбо [Ян Хуй, 2015, 133] Граждане новой России – все, как один, – герои, преодолевающие невероятные трудности, строящие из своего «голодного края» (Цюй Цюбо) светлое царство труда и всеобщего благоденствия.

Иное дело – те, кто не принял русскую революцию и оказался в эмиграции. Все эти люди «потеряли лицо» перед китайцами, утратили свое могущество перед «желтой расой» и оказались на положении просителей [Балакшин, 2013, 170–171].

Китайские исследователи констатируют: «Белоэмигранты в китайском контексте утратили свою историческую и культурную привлекательность и сочувствие, они рассматривались как просто пассивный, исторический обусловленный реликт: как яркое зеркальное отражение между двумя полюсами – царским империализмом и Советским Союзом, между двумя эпохами – царской Россией и Советской Россией, и даже между двумя революционными путями – идеологической и социальной революцией» [Ян Хуй, 2010, 78].

Кроме того, китайское восприятие феномена эмиграции было неразрывно связано с советским политическим дискурсом, в котором после 1917 г., а особенно – после 1920 г. слово «эмигрант» обретает негативные коннотации, синонимизируется с понятием «бывший человек», «враждебный элемент», «враг народа», «враг Советского государства» [Чжан Цзяньхуа, 2010, 231].

Образ восприятия «чужого» в публицистике и литературе [Забияко, Сенина, 2018], или «культурные образы» [Pageaux, 1981, 180–181], как нельзя лучше эксплицируют этнокультурные стереотипы и фреймы (политические, религиозные, этнические) воспринимающего этноса. Китайской публицистике и литературе новейшего времени на протяжении почти всего XX столетия была присуща политическая ориентированность и идеологическая ангажированность. После «Движения 4 мая» («五四运动») 1919 года противодействие империализму стало основным направлением китайской идеологии. В это время Гоминдан продвигает политику сотрудничества с Советской Россией и коммунистами.

Позднее Советский Союз как крупнейший сосед становится центром идеологической ориентации в антиимпериалистической борьбе Китая [Цао Цзюйжэнь, 1981, 71].

После 1927 г. ситуация изменится. В сформировавшемся левом крыле китайской литературы (литературы «Лиги левых писателей») «белоэмигрант» как оценочная номинация выбирается авторами сознательно: «Если бы их признали изгнанниками (эмигрантами), то однозначно признали бы их жертвами политики, а СССР признали бы как источник политических репрессий. Очевидно, что именование «эмигрант» бросало бы вызов законному статусу власти пролетариата» [Ян Хуй, 2014, 162].

В 1927 г. Гоминьдан объединяет юг Китая и порывает с КПК, постепенно укрепляя диктатуру Чан Кайши [Чжан Хун, 2004, 1]. С 1928 г. Чан Кайши и его правящая верхушка становятся объектами борьбы КПК, в том числе, и на литературном фронте [Куан Синьнянь, 1998, 1]. В конце 1920-х гг. вооруженная борьба по примеру Советского Союза стала основной политикой КПК, а организация забастовок, демонстраций и митингов в городах – её основными способами борьбы. Белоэмигранты становятся политическими врагами китайского пролетариата, угрожающими и Советскому Союзу [КПСС, 1931], а с точки зрения конкуренции на рынке труда – экономическими врагами китайского пролетариата [Ли Иман, 1930].

На протяжении 1927–1936 гг. газета «Шэнь бао» («申报») публикует сотни материалов об эмигрантах, большинство из которых рассказывает о кражах, грабежах с их участием, алкоголизме, проституции, нищенстве как их образе жизни и т. д. этих разлагающихся социальных типов и «империалистических приспешников» [Ян Хуй, 2013, 119], скрытых чужих» (Лу Синь) [Лу Синь, 1933].

Такая политическая установка обусловит то, что в литературе «пролетарского направления» («левого крыла») образ эмигрантов (белоэмигрантов) обретет шаржевый, иногда доходящий до прямой карикатуры, характер. Именно в этом контексте сформировалась проза о белоэмигрантах в творчестве прозаиков Лиги левых писателей. Начало ей положили рассказы Цзян Гуанцы «Страдания Лизы» (1929) и «Поэт Ялов» Дин Лин (1932), повесть «Горе Софии» Сяо Хун (1936) и др. [Сенина, Забияко, 2016, 276–278].

В произведениях, описывающих инцидент 1929 г. («красно-белый спор» в китайской трактовке), на «белоэмигрантов» будет возложена вся вина за происходящее. Именно «ленивые эмигранты» становятся причиной возмущения «трудюбивых» китайских рабочих: «Забастовали китайские рабочие на водопроводном заводе иностранной концессии. Тогда отряды белоэмигрантских уголовников вторглись на завод. Концессионное правительство, желая, чтобы они помешали забастовке, заплатило им в пять раз больше денег, чем китайцам. Они хорошо поняли друг друга. Для этих ленивых белоэмигрантов – это благословение неба. Им не нужно много работать, они могут плавать в бассейне в такую жаркую погоду. Потому белоэмигранты вызвали возмущение китайских рабочих» [Фэн Найчао, 1929, 3].

После начала антияпонской войны (1932 г.) всем белоэмигрантам, как «милитаристским и империалистическим прихвостням», придется ответить за вину всех «баймаоцзы», «дабицзы» и «сяобицзы» (именование японцев) в прошлую русско-японскую войну (1903–1904 гг.). Если персонаж желал подчеркнуть своё отрицательное отношение к эмигрантам, он ссылаясь на агрессивную политику царского правительства по отношению к Китаю, уравнивая действия России и русских с милитаристской Японией и японцами (Шу Цюнь [Шу Цюнь, 1938, 169], Ма Цзя [Ма Цзя, 1936, 61] и др.).

В шанхайской литературе образ восприятия белоэмигрантов в таком карикатурном понимании реализует весь комплекс представлений о «заморских дьяволах», варварах, не имеющих морально-нравственных принципов. Не желающие признать «единственно правильную» родину – Советский Союз, живущие мечтами о прошлом России, эти люди (все, как один, – дворянского сословия) уподоблены диким зверям: «Эти "Ло Со" [Цянь Синцунь, 1929], которых в своей стране раньше называли "дворяне", которые наслаждались прежде бесчисленными богатствами, сегодня – лишь *частично люди, которые напиваются в хлам, шастают по улице туда-сюда как призраки. Иногда они поют государственный гимн эпохи Николая – как похоронную песню. Они похожи на зверей, глупо ползают и блюют*», – напишет Цянь Синцунь [Цянь Синцунь, 1929, 375]. Не случайно для них, в отличие от северо-восточных этнофолизмов «баймаоцзы», «лаомаоцзы» по отношению к русским, используется номинации «лосо», «лосун» («罗索, luósuǒ»; «罗宋, luósòng») [Чжан Минян, 1935], в своей основе в китайской интерпретации связанные с понятиями *дикий, страшный, демонический*.

Таким образом, политический контекст развития китайской общественной мысли и этнического сознания 20–40-х гг. способствовал тому, что нейтральная семантика понятия «эмигрант» была практически стерта, в нее были внесены этнические, политические и юридические смыслы. На долгие годы, вплоть до конца 90-х гг., представление об «эмигрантах» из России было связано исключительно с отрицательными коннотациями. И если в литературной рецепции образа русских эмигрантов в 20–40-е гг. еще можно эксплицировать попытки писателей объективно описывать образы этих «чужих», волею рока оказавшихся в Китае, то в научном историческом дискурсе эта категория рассматривалась исключительно в рамках негативных оценок [Сенина, 2018, 30]. Только в последние годы китайские исследователи с большим трудом изменили данную парадигму изучения феномена русской эмиграции в Китае.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Библиографический список

Балакишин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. – М., 2013. – С. 161, 170–171.

Забияко А.А., Сенина Е.В. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX в. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 4.

Мелихов Г.В. Белый Харбин середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. – 440 с.

Сенина Е.В., Забияко А.А. Образ русской женщины в китайской литературе 20–40-х годов XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (51). – С. 275–282.

Сенина Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.: дис. ... канд. филол. наук. – Благовещенск, 2018. – 246 с.

Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. – 2011. – №1. – С. 145–148.

Rageaux D.H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle. Synthesis. – Paris: Bucharest. 1981. – 228 p.

反帝国主义对苏联的武装攻击. Антиимпериалистическая вооруженная атака на Советский Союз // Красный Китай. 红色中华. – 1931. – № 3.

Куан Синьнянь. 旷兴年. 1928 年的革命文学. Революционная литература 1928 года. – Цзинань: Изд-во шаньдунского образования, 1998. – 279 с.

Ли Бочжун. 李伯重. 东晋南朝文化融合. Культурная интеграция в династии Восточном Цзинь // Историческое исследование. 历史研究. – 2005. – № 6. – С. 91–107.

Ли Иман. 李一氓. 随笔 – 白人移民与中国无产阶级. Эссе – белоэмигрант и китайский пролетариат // Баэрдигань. 巴尔底山. 1930.

Ли Чуань. 李川. 汉语中一个关键词侨的审辨. Анализ ключевого слова Цяо в китайском языке // Вестник Аньхойского университета. 安徽大学学报. – 2018. – № 1. – С. 79–85.

Лу Синь. 鲁迅. 踢. Пинок // Шэньбао: свободный разговор. 申报:自由谈. – 1933. – № 2.

Ма Цзя. 马加. 复仇之路. Дорога к мести // Мировые новости. 世界动态. 1936. – С. 61.

Фэн Найчао. 冯乃超. 片断:从白俄老婆子说起. Отрывок: от рассказа белоэмигрантской жены // Современный роман. 现代小说. – 1929. – № 1. – С. 3.

Хоу Цзяньхуй. 侯建会. 祖国概念研究. Исследование концепции Родины // Вестник Вэйнаньского педагогического института. 渭南师范学院学报. – 1998. – № 6. – С. 37–41.

Хуан Ни. 黄颢. 华侨的历史形成及其特点. Историческое становление и особенности китайских эмигрантов // Вестник Чанъяньского университета. 长安大学学报. – 2002. – № 2. – С. 75–77.

Цао Цзюйжэнь. 曹聚仁. 鲁迅年谱. Погодичная биография Лу Синя. – Пекин: Изд-во Народной литературы, 1981. – 312 с.

Цянь Синцунь. 钱杏邨. 那个罗索的女人. Женщина Ло Со // Ежемесячник синь лю. 新流月报. 1929.

Цянь Синцунь. 钱杏邨. 那个罗索的女人. Женщина Ло Со // Сборник Цянь Синцуня. 钱杏邨文集. – Шанхай: Изд-во Современного книжного. 1929. – 518 с.

Чжан Минянь. 张明养. 白俄在远东. Белоэмигрант на Дальнем Востоке // Тай Бай. 太白. 1935. № 4.

Чжан Хун. 章红. 1927–1937 年上海警察. Шанхайская полиция, 1927–1937 гг. – Шанхай: Изд-во Шанхайской древней книги, 2004. – 267 с.

Чжан Цзяньхуа. 张建华. 卢纳察尔斯基的政治轨迹和思想历程. Луначарская политическая траектория и идеологический процесс // Учеба и исследование. 学习与探索. – 2010. – С. 231.

Шу Цюнь. 舒群. 无国籍的人们. Апатриды // Поле боя. 战地. – Шанхай: Книжный магазин Бэй Синь, 1938. – 448 с.

Ян Хуй. 杨慧. 1930 年代中国现代文学中的白俄叙事. Белоэмигрантские повествования в современной китайской литературе 1930 г. XX в.: дис. ... канд. филол. наук. – Сямэнь, 2010. – 184 с.

Ян Хуй. 杨慧. 中俄文本视域下的瞿秋白文学思想. Литературная мысль Цюй Цюбо в кругозоре китайского и русского текстов // Вестник Цзилиньского университета. 吉林大学学报. – 2015. – № 2. – С. 133–139, 175.

Ян Хуй. 杨慧. 苦难的风景:1930 年代中国文学中的白俄乞丐. Страдальческий пейзаж: белоэмигрантский нищий в китайской литературе 1930 г. XX в. // Вестник Нанькайского университета. 南开大学学报. – 2013. – № 4. – С. 119–129.

Ян Хуй. 杨慧. 隐秘的书写:1930 年代中国文学中的白俄. Скрытое письмо: белоэмигранты в китайской литературе 1930 г. // Исследование современной литературы. 现代文学研究. – 2014. – № 3. – С. 160–173.